

Андрей Мамонов

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Выход дневников Л.А. Тихомирова 1905–1907 гг. – одно из тех событий, которые, не вызывая особого шума среди читающей и пишущей публики, не только поднимают уровень современной отечественной историографии, но и закладывают прочную основу для будущих исследований. Без всякого сомнения, ещё не одно поколение историков будет пользоваться данным изданием, которое может, пожалуй, служить образцом научной публикации подобного рода текстов. Следует учитывать, что сам дневник весьма неоднороден – автор часто вклеивал в него газетные вырезки, письма, квитанции, а один раз даже рисунок (фотография его помещена на вклейке). Всё это составители – А.В. Репников и Б.С. Котов – тщательно воспроизводят, отделяя от собственно авторских записей. Для максимально точной передачи особенностей тихомировского стиля ими используются, кажется, все мыслимые полиграфические возможности – курсив, полужирный шрифт, подчёркивания, зачёркивания (явно уже излишние). Все пропуски и сокращения дотошно раскрываются в прямых скобках – от них поначалу начинает рябить в глазах (когда, например, они содержат одни кавычки, которые Тихомиров не всегда ставил возле названий журналов и газет), однако к ним быстро привыкаешь, ценя столь уважительное отношение и к публикуемому источнику, и, в конечном счёте, к памяти его создателя, а также к нынешним и будущим читателям. Нельзя не обратить внимания и на иллюстративную вклейку, где не только собраны фотографии наиболее видных государственных и общественных деятелей, о которых писал Тихомиров, но и приводятся снимки отдельных страниц его дневника, что позволяет лучше, буквально – наглядно, понять принципы передачи текста.

Какие-либо издательские огрехи, опечатки и нестыковки, увы, почти неизбежные в наше время, сведены к минимуму. Из того, о чём вообще стоило бы говорить, нужно отметить, пожалуй, лишь исчезно-

вание из именного указателя московского генерал-губернатора П.П. Дурново. Несколько упоминаний о нём отнесены к министру внутренних дел П.Н. Дурново, но по смыслу нетрудно догадаться, о ком из них идёт речь в том или ином случае. Нечто подобное произошло и с С.Е. Крыжановским, который при подготовке указателя из-за опечатки (или неоговоренной описки Тихомирова) оказался пару раз спутан с Н.И. Крижановским (с. 589).

Обширный комментарий (с. 419–581), занимающий около трети книги, включает преимущественно справки о самых разных лицах, чьи имена встречаются в дневнике. Составители вполне обоснованно отказались от аннотирования именного указателя. Круг общения и интересов Тихомирова был настолько широк и пёстр, что подобный указатель непременно оказался бы слишком громоздким и одновременно неровным, а часть биографических сведений всё равно бы пришлось выносить в комментарий.

Задача, стоявшая перед А.В. Репниковым, писавшим комментарий, естественно, заключалась не только в поиске, но и в отборе и унификации имеющейся информации. И тут решение её далеко не во всём последовательно. Например, об Иване IV и Николае I сообщены лишь даты жизни и вступления на престол (с. 431, 573), что не вызывает ни малейшего недоумения. Но в схожем случае к сведениям о Екатерине II добавлено несколько слов с общей характеристикой её внутренней политики. Причём, если в дневнике сказано о созыве ею выборных, то в примечаниях – не об Уложенной комиссии, а о сословных привилегиях и укреплении абсолютизма (с. 237, 522). В комментарии же к словам Тихомирова о мистических настроениях Александра I перечислены территории, вошедшие в его царствование в состав России (с. 213, 519). Пётр I, единожды упомянутый в дневнике (как и Иван IV, Екатерина II, Александр I, Николай I), в «Комментарии и примечаниях» вообще не попал (с. 354, 592). Страница, на которой

кратко сказано о Николае II, по явному недосмотру не отмечена в именном указателе (с. 422, 591).

О сановниках и великих князьях говорится, как правило, подробнее, чем о венценосных особах, что опять же вполне оправдано. Однако и тут не хватает единообразия. Так, в примечаниях, посвящённых С.Е. Крыжановскому, В.А. Сухомлинову и А.Н. Шварцу, указаны современные издания их воспоминаний, а в аналогичных комментариях о А.В. Бельгарде, С.Ю. Витте, В.Н. Коковцове и А.Н. Куропаткине таких указаний нет, хотя мемуары Витте цитируются в книге (с. 473). При этом, обстоятельно осветив карьеру того же Сухомлинова до 1878 г. и после 1908 г., комментатор почему-то умалчивает о том, какие посты он занимал в 1905–1907 гг. (с. 453). В целом в добротных биографических справках приводится немало важных и любопытных данных о молодости или, наоборот, позднейшей судьбе многих государственных деятелей Российской империи, однако их участие в событиях 1905–1907 гг., возможно, стоило бы показать подробнее. Досадно и то, что сравнительно редко встречаются в них отсылки к новейшим исследованиям.

Разумеется, лучше всего представлены – и в самом дневнике, и в примечаниях к нему – общественные деятели и публицисты, преимущественно консервативного толка, но далеко не только его. Характеризуя их жизнь и творчество, Репников в значительной мере опирался как на собственные труды, так и на огромный материал, сконцентрированный в появившихся за последние десятилетия энциклопедиях, раскрывающих историю русской мысли XVIII – начала XX в. и своеобразие различных её направлений¹. Кроме того, здесь уже нередко можно встретить ссылки на широко и не очень известные монографии, статьи и даже неопубликованные диссертации. И это лишний раз напоминает о том, что выходу данного издания предшествовала многолетняя фундаментальная работа целой плеяды историков, принадлежащих к разным исследовательским школам. Без их напряжённых усилий (зачастую в самой неблагоприятной для научной деятельности обстановке) в комментариях к дневникам Тихомирова едва

ли удалось бы так полно осветить круг его единомышленников и оппонентов. И в этом смысле рецензируемая книга – своеобразный «смотр достижений» современной историографии и прекрасная точка отсчёта для тех, кто только начинает изучение русского консерватизма XX в.

В развёрнутых комментариях о французской революции XVIII в. и её деятелях, о Жанне д'Арк и О. фон Бисмарке чувствуется некоторая избыточность. Вместе с тем иногда за более или менее хрестоматийными фактами исчезает то, что имеет прямое отношение к тихомировскому тексту. 28 февраля 1907 г. Лев Александрович утверждал: «Израиль древний был наказуем *внешне* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчёркнутые Тихомировым. – А.М.): истребили, разогнали, пленили. Мы в тысячу раз несчастнее: мы *внутренне* пали. Мы, как Навуходоносор, превратились в *животное*... Но когда же взглянем на небо?» (с. 327). В соответствующем комментарии конспективно перечислены события царствования Навуходоносора II – не только разрушение Иерусалима и Вавилонское пленение, но и походы на Ассирию и в Северную Аравию, сооружение висячих садов и проч. (с. 556). Но отсутствует даже отсылка к тем стихам книги пророка Даниила, к которым собственно и обращается автор дневника: «Тотчас и исполнилось это слово над Навуходоносором, и отлучён он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росой небесною, так что волосы у него выросли, как у льва, и ногти у него – как у птицы. По окончании же дней тех, я, Навуходоносор, возвёл глаза мои к небу, и разум мой возвратился ко мне; и благословил я Всевышнего» (Дан. 4: 30–31). Кстати, другие стихи этой книги – о знаменитом «Валтасаровом пире» – цитируются комментаторами ранее (с. 427–428). Также порою трудно определить, по какому собственно принципу даются, например, сведения о том или ином писателе. Так, в примечаниях о М. Горьком говорится почти исключительно как о политическом деятеле и лишь вскользь сказано, что он «приобрёл огромную известность как писатель» (с. 433). В то же время около половины более краткого

комментария о Ф.М. Достоевском занимает общая характеристика его романов (с. 553).

Помимо биографических справок (объём которых колеблется от нескольких строк до целой страницы) «Комментарии и примечания» содержат огромный пласт сведений, совершенно необходимых для понимания текста дневника. Это и данные о революционных событиях и периодических изданиях, упоминаемых автором, и отсылки к фрагментам Священного Писания и церковным песнопениям, которые приводит Тихомиров, и пояснение литургических терминов и устаревших выражений, и перевод иностранных слов и фраз и проч., и проч. Всё это требовало скрупулёзной работы, колоссальный объём и сложность которой видны далеко не каждому читателю.

В то же время сам размер комментариев уже не позволил бы их автору расширить свою задачу и систематически показать, как воспринималось то, о чём пишет Тихомиров, людьми его круга. Это потребовало бы слишком существенного увеличения в примечаниях «параллельных» цитат из их писем и дневников. Правда, это всё же скорее задача не публикаторов, а после-

дующих исследователей. Тем не менее, в какой-то мере её решение Репниковым намечено (с. 443, 486, 532, 556–567, 566–567, 572). Подводя итог, нельзя не признать, что рецензируемое издание отличается высокой археографической культурой, которая всё реже встречается в наше время, когда публикацией источников зачастую называют скоропалительные перепечатки (в чём-то такая литература даже хуже репринтов, поскольку невольно увеличивает количество неточностей и опечаток). Книга же А.В. Репникова и Б.С. Котова, несмотря на незначительные недостатки, может служить образцом профессионального подхода к делу.

Примечание

¹ Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1–5. М., 1989–2007; Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2005; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010; Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. М., 2013; и др.

Константин Обозный

Рец. на: А.А. Кострюков. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М.: ПСТГУ, 2015. 488 с.

Konstantin Oboznyi

(St. Philaret's Christian Institute in Moscow, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Kostriukov. Russkaia Zarubezhnaia Tserkov' v 1939–1964 gg. Administrativnoie ustroistvo i otnosheniia s Tserkov'iu v otechestve. Moscow, 2015

Доктор исторических наук А.А. Кострюков уже много лет успешно изучает историю Русской Зарубежной Церкви в XX в. Осветив в предыдущих работах годы становления её структуры и управления, а также отношения с Церковью в Советской России в 1920–1930-е гг.¹, в своей новой книге историк подробно описывает

особенности жизни, служения, мировоззрения и взаимоотношений её иерархов с предстоятелями других православных поместных церквей в 1939–1964 гг. – от начала Второй мировой войны до смерти первоиерарха Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) митрополита Анастасия (Грибановского), которая за-